

верлану. В його композиції зустрічається слово *meufs* – жінки. Це верланізоване слово, яке шляхом переставляння складів походить від нормативного слова *femme*, використовується дуже часто у французькому молодіжному дискурсі.

Зазначимо, що верлан широко застосовується в сучасному розмовному регістрі та є частиною молодіжного сленгу. Він дозволяє реперам не просто підкреслити свої культурні відмінності від широкого загалу, а й створити нову маргінальну молодіжну субкультуру. Тексти таких пісень – справжні лабораторії верлану. Вони живуть за своїми внутрішніми законами, де ритм вимагає частого використання алітерацій, тому співаки просто змушені вводити нові слова та популяризувати верланізовану лексику серед населення. У перекладацькому аспекті це лінгвістичне явище спричиняє певні труднощі, оскільки верлан не притаманний українській мові. Саме тому при перекладі верланізованих лінгвістичних одиниць смислові втрати є неминучими.

Список використаних джерел

1.Макарова О. В. Синхронічний та діахронічний підходи до вивчення верлану / О. В. Макарова. // Мовні і концептуальні картини світу. – 2013. – №46. – С. 450–455. 2.Мартинюк О. М. Верлан як вид молодіжного сленгу (на матеріалі французької мови) / О. М. Мартинюк. // Наукові записки Національного університету «Острозька академія». – 2014. – №46. – С. 115.

А. М. Гомон, Л. Я. Терещенко

ТВОРЧЕСТВО Л. Н. АНДРЕЕВА: ЗАБЫТОЕ ПРОИЗВЕДЕНИЕ «ТАЛАНТ» (1915)

Поздняя проза Леонида Андреева – до сих пор наименее изученная часть его творческого наследия. В литературоведческом восприятии сложилось устойчивое представление о незначительности или вторичности поздних произведений писателя, как правило, они редко привлекают внимание исследователей (за исключением «Сашки Жегулева» (1911) и «Дневника Сатаны» (1919)).

Рассказ-юмореска Андреева «Талант» (1915), приближающийся по поэтике к фельетону, любопытен и оригинален тем, что представляет собой единственный в своем роде пример прозаической самопародии писателя на свою сценическую миниатюру «Упрямый попугай. Символическая поэма» (1913) (иначе – «Попугай», «Попугай-пессимист», «Дурак»).

Но если в пьесе главное действующее лицо попугай, который по ходу действия «кстати и некстати произносит слово «дурак!», повергая этим остальных действующих лиц в *огорчение и раздражение*, доходящее даже до *неистовства*» [1, с.201] и ««своим дураком» утверждает роковую и всеобщую *человеческую глупость*, воцарившуюся в мире» [2, с.90], то в рассказе попытка постановки в театре этой «одноактной вещицы» пародийно выливается в «*трагикомическое происшествие*».

Ш.Бодлер отмечал, что «*самые комичные животные* обычно наиболее серьезные; таковы обезьяны и попугаи» [3,с.697]. Поначалу, на репетиции, попугай («славная птица, молчаливая, спокойная, даже несколько суровая») ведет себя «как старый опытный актер, понимающий свое дело». Но на премьере попугай «бунтует» и оказывается «форменно говорящим, да еще как! После первых же вступительных слов, как начал жарить <...> Боже мой, что за красноречие, мы так и умерли! Слова никому сказать не дает, один за всех так и лупит» [1,с.201–202]. «Упрямый пессимист» парадоксально оборачивается *инфернальным весельчаком* и, подобно Черту Карловичу («Черт на свадьбе» (1915)), превращает «приятный спектаклик» в балаган и шабаш: «Пробовали его остановить – *ругается* <...> потом *песни неприличные запел* <...> Пробовали мы перешибить его, орем, а он еще

громче, потом свистать начал, кукарекать, мяукать, откуда берется. И хохочет, как Сатана!» [1, с.202].

Таким образом, если в пьесе «всесильный Рок предстает <...> в иронической ипостаси неизбывной и вечной человеческой глупости» [2, с.72], то в рассказе Рок, персонифицируясь в попугае, осмеивает претензии Человека на всемогущество в попытке выставить его в смешном виде. Ироничный «подлец попугай <...> хулиган и невежа», способен заразить своим сатанинским смехом публику (читай – Человечество): «Конечно, публика в хохот <...> какой уж тут спектакль! А он, подлец и сам в ответ хохочет, точно сговорился <...> А публика без него и пьесы слушать не хочет, свист поднялся <...> этот подлец уже ее любимцем сделался, кричат: «попугая! попугая!» <...> Публика хохочет, он хохочет, что за несчастье!» [1, с.202–203]. Совсем не случайна в рассказе, на наш взгляд, и аллюзия-сравнение упрямого попугая с Шаляпиным и его мефистофельским смехом (ср. «Мебель» (1902), «Ф.И. Шаляпин» (1902)).

В итоге театральная постановка «символической поэмы» о глупости (травестийный вариант «Жизни Человека», – «вечный поединок Человека с Роком» [2, с.72]) оборачивается анекдотическим фарсом о тщете человеческих усилий «перехитрить» Рок и комедийно обыграть его. Заканчивается «Талант» почти фельетонно, неожиданным переходом от рассуждения: «как, вообще, можно теперь довериться человеку?», если нельзя рассчитывать даже на попугая, к серьезной современной проблеме: «Правда ли <...> что созыв Думы опять откладывают?» [1, с.203]. С учетом предыдущего контекста, такой вопрос звучал двусмысленно-иронично и, несомненно, вызывал определенные ассоциации, хорошо понятные современникам Андреева.

Список использованных источников

1. К 125-летию со дня рождения Леонида Николаевича Андреева: неизвестные тексты; перепечатки забытого; биографические материалы / публ. и примеч. Л.А. Иезуитовой. Филологические записки. Вестник литературоведения и языкознания. Воронеж, 1995. Вып.5. С.192–208.
2. Бабичева Ю. В. Иронические драмы Л. Андреева. Вопросы истории и теории литературы. Челябинск, 1966. Вып.1. С.87–96.
3. Бодлер Ш. О природе смеха и о комическом в пластических искусствах вообще / История эстетики: памятники мировой эстетической мысли: в 5-ти т. М., 1967. Т.3. С.692–700.

Д. С. Єнікєєв

МОВНА ОСОБИСТІСТЬ ДОНАЛЬДА ТРАМПА В АНГЛІЙСЬКОМОВНОМУ ЕКОНОМІЧНОМУ ДИСКУРСІ

Дослідження мовної особистості як «когнітивно-дискурсивного феномену» називають новою теоретичною проблемою [8, р.110], що доводить актуальність вивчення цього питання відповідно до сучасних комунікативно-прагматичних тенденцій у філологічній науці.

Дослідники вивчають мовну особистість у межах певного дискурсу, наприклад, політичного [8]. З'явилося навіть поняття «дискурсивна особистість» [6] та напрямок лінгвоперсонології – дискурсивна персонологія [2], що доводить необхідність дослідження різних аспектів мовної особистості у межах певного дискурсу.

Загальноприйнятим визначенням поняття «мовна особистість» є дефініція Ю.М.Караулова: «це сукупність (та результат реалізації) здібностей до створення та сприйняття мовленнєвих творів (текстів), які відрізняються ступенем структурно-мовної складності, глибиною та точністю відображення дійсності та певною цільовою спрямованістю» [3, с.245], тобто, беручи за основу визначення дискурсу як